

Нора Георгиевна Адамян

Невестка

Никто не ожидал, что Катюша пойдет наперекор желанию свекрови. Никто и думать не мог, что она так твердо вмешается в дела семьи и настоит на своем. Прошли первые дни, когда тетя Забел настороженно присматривалась к своей русской невестке. Одно время ей даже показалось, что Катюша слишком проста: что подумает, то и скажет, что у нее попросят — отдаст.

Катюшу привез средний сын Грикор, когда вернулся с военной службы. От станции железной дороги они ехали на попутном грузовике. Чистый горный воздух растрепал русые кудерьки Катюши, обманчиво нежаркое горное солнце обожгло ей лицо. Катюша предстала перед требовательными глазами свекрови растрепанная, красная, веселая. Она не проявила необходимого по неписаным правилам смущения молодой женщины, впервые входящей под кров своей новой семьи.

— Вот оно как у вас: печка-то в земле вырыта! Низко нагибаться приходится. За день, поди, спина заболит... Разве ж так лучше?

Все ей было любопытно, и любопытства своего она не скрывала. Грикор, убежденный, что Катюша так же нравится всем, как и ему, снисходительно-счастливо кивал головой в ее сторону и подмигивал домашним:

— Непривычная еще. Ничего, освоится...

У тети Забел было три сына. Старший — самый хороший, самый послушный и почтительный — погиб на войне. Его жена не захотела жить в доме свекра. Вернулась в соседнее село, откуда была родом, и снова вышла замуж. Но внука старики ей не отдали. Внук жил в доме. Самый младший сын женился рано — перед уходом в армию, год назад. Его жена Кнарик — плохая ли, хорошая — своя. Она без слов понимает, когда свекровь довольна, когда нет. А новая, русская невестка — жена среднего сына Грикора — заставила старуху насторожиться.

На второй день по приезде Катюша весело рассказывала свекрови и Кнарик:

— Как я встретила с Гришенькой — сразу он мне глянулся. Глазки черные, бровки как нарисованные, волосы — ну чистый барашек, кудрявый. Откуда только такие берутся, думаю?

Кнарлик рассмеялась, широко открыв белозубый рот.

— Мой Варган лучше, — сказала она хвастливо.

Тетя Забел махнула рукой и вздохнула. Она вспомнила погибшего сына.

— Чего не видела, того не знаю, а по мне лучше Гриши и быть не может, — продолжала Катюша. — Однако я сразу вида не показала, что он мне понравился. Думаю, себе: «Ты еще побегаешь за мной, как лиса за белочкой». И так я его завлекла, что он мне прямо сказал: «Я, говорит, человек кавказский, у нас люди горячие, из-за любви могут на крайность пойти...»

— Это ты хочешь сказать, что он за тобой гонялся? — сухо, без улыбки, спросила тетя Забел.

— А как же! — охотно откликнулась Катюша. — Еще и как гонялся! «Жизни, говорил, своей решусь, если ты со мной не поедешь».

Тете Забел это показалось очень обидным. Она легла на деревянную тахту, укрылась теплым одеялом и беззвучно плакала. Кнарлик примолкла, быстренько собралась и побежала на табачное поле в свою бригаду. Мужчины еще раньше ушли на работу. Дома осталась Катюша со свекровью да внук тети Забел Сероб — парень девятнадцати лет.

Старуха все лежала, укрытая с головой. Катюша наконец встревожилась.

— Вы что это, мамаша, — допытывалась она, — захворали? Да что ж у вас болит?

— Голова, голова, — сказала тетя Забел, чтоб отделаться.

— Ну, это я вас сейчас вылечу, — пообещала Катюша. — Мне, как младшему медперсоналу, стыдно, если в нашем доме кто заболит.

Она заторопила Сероба:

— Сёрега, как у вас печку растопляют? Мы горячей водой мамаше голову помоем да порошок дадим. Ты сходи в аптеку, Сереженька, пирамидону возьми.

Сероб, высокий парень с тонкими усиками и длинными ресницами, весело ухмылялся. Он знал, что к головной боли бабушка прибегает для устрашения невесток. Но Катюша этого не знала.

— Верно, вас солнцем напекло, — сокрушалась она.

Тут тетя Забел не выдержала — усмехнулась. Всю жизнь она работала на горных полях, открытых солнцу, и не знала, что от него может заболеть голова. Вечером, когда дядя Авет возвратился с колхозного огорода, старуха, как всегда, принесла тазик с горячей водой, чтобы муж попарил ноги. Это был час, когда тетя Забел высказывала хозяину дома свои соображения относительно семейных дел.

— На тахте спать не хочет, — шептала она. — Я им в комнату нашу кровать на пружинах поставила. Одеяло она привезла на вате стеганое — полпуда весит.

— Ничего, — отвечал дядя Авет, — осенью баранов острижем, сделаем ей шерстяное одеяло.

— О чем ты говоришь! — рассердилась тетя Забел. — В доме одеял нет, что ли? Я им два шерстяных одеяла на кровать положила.

Сердце тети Забел волновали неясные ей самой тревоги, а высказать было нечего.

— Ветер у нее в голове, — проговорила она наконец. — Смеется много!

— А почему ей не смеяться? — невозмутимо отозвался дядя Авет. — Молодая женщина, хорошего мужа нашла, в достойную семью вступила — пусть смеется! А ты, если видишь, что не так, не молчи, не дуйся — поговори, объясни. Она от родной земли оторвалась. Думаешь, легко это?

Тетя Забел решила воспитывать Катюшу примерами из собственной жизни.

— Когда меня привели в дом моего мужа, — рассказывала она, — целый год моего голоса никто не слышал. Надо что-нибудь сказать свекрови — я зову девчонку, младшую сестру мужа, и ей шепчу: «Спроси мать, какую работу Забел делать — белье стирать или в поле идти?» А свекровь тут же рядом

стоит! Я в семье всем угождала — и все молча. Чтоб засмеяться или песни петь — нет, нет, нет! Никогда!

— Ох, издевались раньше над женщиной! — сочувственно возмущалась Катюша. — Это что ж такое, живой человек — и молчи! Безобразие!

Тетя Забел поджимала губы. Мораль ее рассказов до Катюши не доходила. Быстрее всех в доме подружилась с новой невесткой Кнарик. Катюша умела кроить, шить и охотно предлагала свои услуги.

— Ты, Кнарка, у нас чистая селедочка. Тебе баску подпустим в виде оборки, чтобы в боках пошире казалась. Ты бы ела, что ли, больше, Кнара, одни косточки...

Кнарик, коричневая от загара, косила большими глазами на дверь и жаловалась:

— С чего поправлюсь, Катя, с чего потолстею? Утром суп, вечером суп... Я в доме своего отца никогда супа не ела. А как мы уходим на работу, она своему студенту яичницу жарит. Веришь, вчера для него цыпленка зарезала!

— Ой, любишь ты зря болтать, Кнара, — укоризненно говорила Катюша. — Выходит, тебя голодом морят? Вон яйца в решете лежат, масло в кувшине. Кто тебе не велит? Бери да ешь!

— Да-а-а, — хитро шурилась Кнарик, — говоришь только! Как взять? У нее все на учете.

А Катюша на другое утро просто сказала свекрови:

— Давайте, мама, сегодня яичницу на завтрак наладим.

Одно за другим набила на большую сковороду двадцать яиц и поставила на стол. Дядя Авет обрадовался.

— Вот дай бог здоровья невестке, догадалась яичницу сделать!

Тете Забел ничего не осталось, как смолчать и завтракать вместе со всеми. С давних лет своей молодости, когда любой кусок был на счету, привыкла она урезывать, откладывая каждую ложку масла, каждое яйцо. И теперь по привычке все старалась выгадать. Только для единственного внука, для сиротки, ей ничего не было жалко.

Дядя Авет иногда сердился.

— Для кого бережешь? Лучше нас людей не дождешься. Ставь на стол мед и масло! — покрикивал старик на жену.

Дядя Авет был огородником-садоводом. А колхоз села Заревшан славился пшеницей. Горные поля давали крупное красноватое — будто загорелое — зерно. Хлеб из него получался легкий и вкусный. Даже приусадебные участки колхозники засевали пшеницей. Только вокруг дома дяди Авета зеленели деревья. На одном из склонов горы старик разбил колхозный сад и отвоевал у правления колхоза широкую ложбину с ручейком для огорода. Овощи на нетронутой земле росли хорошо и уже два года приносили колхозу немалый доход. Но как доходило до дела, чтоб дать в огородную бригаду побольше людей, так председатель смеялся, похлопывал дядю Авета по плечу и хитро подмигивал.

— Братец Авет, мы с тобой оба знаем, какая тут работа. Посадил — растет. По совести скажем — самая у тебя подходящая бригада. Орлы!

А в огородной бригаде были одни пожилые женщины. У той руки ломит, у другой спина отнимается. Дядя Авет приходил домой сердитый, швырял мотыгу и начинал поносить председателя нехорошими словами.

Катюше было жаль свекра, а если человека жалеешь, значит надо для него что-то сделать. Каждый день, возвращаясь из сельской больницы, где она работала санитаркой, Катюша отправлялась помогать огородникам. Пыталась она увлечь с собой и Сероба:

— Пойдем, Сереженька, подобьем картошку. Чего зря дома стены подпирать! Но тетя Забел стойко охраняла внука.

— Серобу нет дела до огорода. Он учится. У него другое на уме.

— Великое дело — учиться! — не соглашалась Катюша. — Я, может быть, тоже учиться буду. У меня доктор Зарик Исааковна большие способности находит. Физическая работа для умственного труда полезная. Это уж у кого хотите спросите. Бери тяпку, Серега!

Иногда Сероб соглашался.

— Пойду немного погуляю, — подмигивал он бабушке и отправлялся с Катюшей в горы.

По дороге они разговаривали.

— Я колхозную работу не люблю потому, что она однообразная, — говорил Сероб. — Сажаешь капусту и знаешь, что вырастет капуста. Всегда одно и то же.

— Капуста капусте рознь, — не соглашалась Катюша. — Иной кочанок надуется — на него смотреть приятно. А с твоим дедом не больно соскучишься. Он всякие тонкости знает. На той неделе, как стали листья у капусты завиваться, так он с одного края поля в серединку каждого кочана по огурчику положил. Зимой люди разрежут капусту, а им подарок — внутри свежий огурчик. Я сколько жила, такого не видела...

Сероб снисходительно улыбался:

— А что ты в жизни видела?

На огороде он обычно ложился у шалаша дяди Авета на кошму; отдохнув часок, отправлялся по течению ручья — пускать воду в маленькие канавки, которыми был изрезан огородный участок.

Колхозницы, глядя ему вслед, пересмеивались:

— Где-то черная курица сдохла — студент на работу вышел...

Катюше эти насмешки не нравились.

— Парень учится. Летом ему отдохнуть надо.

Женщины ничего не отвечали. Только языкастая Мелине говорила, будто ни к кому не обращаясь:

— Мало любить детей — плохо, чересчур крепко любить — того хуже.

Повозившись часок, Сероб незаметно исчезал. Катюша оставалась на огороде до самого вечера. Домой она возвращалась вместе с дядей Аветом. В чистом воздухе стояли горы, за ними еще горы, и не было им конца.

— А у нас лес, — рассказывала Катюша, — войдешь, так тебя сразу холодком и обвеет. И сколько ни идти, все ровненько, гладко, ни одной горушки нет.

«Тоскует», — думал дядя Авет и утешал:

— У нас тоже лес есть, вон за той горой. Осенью пойдём туда, мушмулы наберём, диких груш, кизилу...

Старик привязался к невестке и не позволял тете Забел слова про нее сказать. А молодым только дай потачку, живо избалуются. И свекровь зорко следила, чтоб невестки не избаловались.

Поехал Григор в районный центр по колхозным делам. Ну, из города человек без гостинцев не возвращается. Привез конфет, печенья, выложил пакеты на стол. Тут тетя Забел и показала, кто хозяйка в доме. Все кульки быстренько собрала — и под замок. А к чаю вынесла на блюдечке по конфетке да по два пряника.

Катюша будто ничего и не заметила. А от Кнарикиных больших глаз ничто не укроется. На другой день она невинным голосом спросила:

— Что, Катя, сладкие конфеты муж привез? — И быстро зашептала: — У Сероба полные карманы насыпаны. Горстями ест!

Катюша небрежно отмахнулась.

— Будет тебе, Кнара! Ты обязательно хочешь, чтоб из-за ерунды разлад в доме был? На что мне это нужно!

— Не в конфетах дело! — уже плачущим голосом оправдывалась Кнарик. — А почему все Серобу, все Серобу? В прошлом году учиться поехал — двух баранов зарезали. Масло, мед кувшинами в город отправляли.

— Серега наш племянник родной. Парень учится...

— Не учится он! — яростно затрясла головой Кнарик. — Ни одного экзамена не сдал. Всю зиму на улицах околачивался. Теперь снова ехать хочет. Говорит: «Трех баранов профессору дам — куда захочу, туда поступлю». А тебя он «курнос» называет. И старуха тебя «курнос» называет. Она говорит, что ты нехитрая, что у тебя на голове орехи колоть можно.

— А я и есть нехитрая, — сказала Катюша. — И откуда в тебе злость такая? Свекровь женщина старая. Ей кое-чего и простить надо. Сейчас мы ее оскорбим, потом жалеть будем, а уже не вернешь.

Когда Кнарлик ушла, Катюша при помощи зеркальца тщательно изучила свой профиль. Результаты исследования ее не утешили. Она бросила зеркало и сказала с досадой: «Ну и пусть! По мне лишь бы Гришеньке нравилась...» Но у Сероба она спросила:

— Это ты придумал меня «курносом» звать?

Сероб не отпирался. Он взглянул на Катюшу с улыбкой.

— Ну и что? — сказал он. — Это тебе обидно?

— Обидно все-таки. Кличка как репей. Пристанет — не отдерешь. Я вчера в больнице бабушке Огановой постель перестлала, она мне говорит: «Спасибо, Курнос».

— Она думает — тебя так зовут, — весело ухмыльнулся Сероб.

— Ну, это ладно, — продолжала Катюша, — я и есть курносая, мне по заслугам. А вот тебя, выходит, студентом зря зовут. Как же так?

— Обыкновенное дело, — лениво отозвался Сероб, — перевожусь в другой институт. Я к высшей математике неспособный. Теперь в биологический или в театральный пойду.

— Так ведь и там способности надо!

— Самое главное — знакомство надо. А у меня в городе такие товарищи есть — любую дверь откроют. У одного дядя профессор, у другого отец директор магазина.

— Ишь ты! — сказала Катюша.

— Молодые годы человек должен весело проводить. Как-нибудь я тебе расскажу про наши кутежи — завидно станет.

Так откровенно, доверчиво поговорил Сероб с новой невесткой о своей жизни, о своих планах. И даже не подозревал, как это все обернется...

Вечером Катюша заговорила с мужем о племяннике. У Григора помрачнело лицо. Он не любил думать о неприятных вещах и отодвигал их от себя — авось обойдется...

— Да, — ответил он нехотя, — это я слышал, что он не учится... — И стал переводить разговор на другое.

Но Катюша не унималась.

— А в этом году он опять собирается. Баранов с собой повезет. Для чего эти бараны, я что-то не пойму?

Грикор раздраженно отпихнул ногой снятые сапоги. Он не был посвящен в планы матери и Сероба, но понимал что к чему.

— Как поедут, так и вернутся, — пробурчал он. — Осрамятся только. На баране в институт не въедешь.

— Тогда я прямо удивляюсь тебе, Гришенька, — сказала Катюша. — Над нашей семьей люди в городе смеяться будут, и племянник с пути собьется, а тебе это вроде безразлично.

— Эх, Катя, — взмолился Грикор, — что с матерью сделаешь? Она только тем и живет, чтоб мальчик образование получил, человеком стал.

— Странное понятие, — пожала плечами Катюша. — Значит, ты, колхозный бригадир, не человек? Или та же Кнара? Пусть у нее язык без костей, а в работе все по ней равняются. И мой отец — обыкновенный плотник, а знаешь как его люди уважают! Если б Серега учился, я слова не сказала бы. А веселья ему в городе искать не приходится. Пусть в огородную бригаду идет. И дело хорошее, и отцу помощь нужна.

— Мать не согласится, — безнадежно вздохнул Грикор.

Таилась, таилась и показала себя новая невестка! В дом внесла смуту и будто не замечала ни гневного лица тети Забел, ни сумрачных глаз свекра.

Возвращаясь с огорода, дядя Авет пытался поговорить с Катюшей:

— Теперь, дочка, все учатся. Нам стыдно будет: люди скажут — сироту обидели. — Старик медленно подбирал слова, поглядывая на Катюшу.

Она шла рядом с ним, твердо ступая по земле ногами, обутыми в стоптанные тапочки. Лицо у нее обветрилось, маленький нос лупился, а голубые глаза смотрели спокойно.

— Его годы не ушли. В разум войдет и захочет учиться — кто ему помешает? А сейчас у него одни мечты — товарищи да гулянии. И не трудом хочет чего-нибудь добиться, а словчить. Это к добру не приведет. Я такие примеры знаю.

Дядя Авет вздыхал, будто не он был хозяином дома. Старику стоило только хлопнуть по столу ладонью, и все бы стало как он хотел. А он не делал этого. Тетя Забел совсем забросила хозяйство. Кое-как сварив обед, она усаживалась на тахту и, раскачиваясь, причитала, будто пела:

— Кто тебе позавидовал, горькое мое дитя? Кто встал поперек твоей доли?

Катюше казалось, что любое недовольство между людьми можно исправить откровенным, чистосердечным разговором.

— Полно вам сердце надрывать, — сказала она свекрови. — Можно подумать — и в самом деле горе какое...

— Горе, — не глядя на нее, продолжала раскачиваться свекровь. — Разве одно у меня горе? Какое вспомнить? О каком сказать? Ребенок у отца смело требует: «Купи мне ботинки, купи рубашку, дай денег...» Отец — сладкое слово. Когда нет отца — у кого спросит? Кому скажет? Все желания в душе хоронит. Молчит. Терпит.

Катюша попыталась вспомнить, как одет Сероб. «Мне бы надо спросить, есть ли у Сереги костюм», — подумала она.

Тетя Забел все причитала:

— Пусть туча над моей головой разразится! Радовалась я — тихий человек вошел в мой дом. Правду люди говорят: не бойся той собаки, которая лает, — бойся той, которая молчит...

— Это вы меня с собакой сравниваете? — спросила Катюша. Она не ожидала, что голос у нее прервется слезами. Обида поднималась из сердца и подступала к горлу.

Тетя Забел не нашла нужным отвечать на вопрос. Никто не смеет распорядиться в ее доме, пока она жива! Все будет только так, как захочет тетя Забел. Пусть черный ветер унесет тех, кто ей противится...

— Уже и ветер... — сказала Катюша. — Я и сама могу уйти.

Она посмотрела вокруг — хоть бы в ком-нибудь отыскать поддержку. Из соседней комнаты испуганно выглянула Кнарик. Встретив взгляд Катюши, она потупилась и стала греметь какими-то кастрюлями. Прислонившись к

дверному косяку, стоял Сероб. Этот не опустил глаз, он, как всегда, смотрел на Катюшу ласково улыбаясь.

Григор еще не возвращался с работы. Но Катюша и не ждала его. Она знала, что сейчас в его душе не все открыто для жены. «Катя, — просил ее Григор в эти дни, — не делай так, чтоб я был как пшеничное зернышко между двумя жерновами. Я тебя не хочу обидеть и мать не могу обидеть».

...Катюша шла той дорожкой, которой каждый день ходила на огороды. Припоминала, что говорила старшая сестра, провожая ее в далекий путь, на новую жизнь: «Смотри, Катеринка, всякое будет — и хорошее, и плохое. Духом только не падай!» Тогда Катюше казалось, что плохого ничего не будет. Ей хотелось жить со всеми дружно, согласно. «Что мне со свекровью делить? Я ей во всем уступлю», — думала она. А вот так пришлось, что и нельзя уступить. Легче всего было бы сказать сейчас: «Да делайте что хотите! Пусть он едет, не едет, мне-то что!» А вот не могла она этого сказать.

«А то бросить все и уехать», — думала Катюша. Она оглянулась на село с его плоскими кровлями, на темнеющие в вечернем сумраке спокойные горы. Как рвался сюда Гриша, как он ей рассказывал про эти поля, про ущелья, в которых текут холодные родники, про свой дом! И Катюша привыкла думать, что на этой земле навсегда будет ее дом и дом ее будущих детей. Ее уже здесь ничто не удивляло. Она поняла, что печь, вырытая в земле, требует мало топлива и долго сохраняет тепло, что на плоских крышах хорошо днем сушить зерно и спать в тихие летние ночи. Оценила тонкий хлеб «лаваш», который чуть окропишь водой — и он снова свежий, тогда как буханка в здешнем сухом воздухе на другой день превращается в сухарь.

Отделиться от стариков? Нехорошо будет. Люди спросят — в чем причина, что сын ушел от родных? Скажут — невестка не захотела учить племянника. Кому объяснишь? Да и жалко стариков, особенно дядю Авета. Нельзя отделиться!

Катюше уже не хотелось плакать. Она не думала о нанесенной ей обиде. Но — может быть, впервые в жизни — Катюша не знала, как поступить, что сделать.

Она села прямо на землю, в душистые степные травы, и тогда заметила, что в нескольких шагах от нее стоит Сероб. Он наклонил голову и сказал обеспокоенно, заглядывая ей в лицо:

— Катюш, курнос, ты зачем сюда пришла? Ты плачешь?

Катюша с досадой мотнула головой.

— Как же, дождешься... буду я из-за тебя плакать!

Сероб улыбнулся, сел на траву, обхватил колени и заговорил спокойно и снисходительно:

— Ты не уходи из дому. Старухи всегда так... Я уеду, она не станет больше тебя ругать. Я ей скажу.

— Много на себя берешь, — отрезала Катюша сурово. — Ступай домой. Нечего за мной следом ходить.

Сероб легко поднялся с земли.

— А все-таки сознайся — баранов тебе жалко? — спросил он с вызовом.

— Тебя, дурня, мне жалко! — ответила Катюша.

Она еще посидела одна на согретой солнцем земле, повертела в руках сухую травинку. Надо было возвращаться домой.

Григор встретил ее у входа в деревню. Он бежал ей навстречу — большой, в пыльных сапогах и рабочей рубахе.

— Катя, Катя... — говорил он, комкая ее руки в своих ладонях и нагибаясь, чтоб посмотреть ей в глаза.

— Ну, чего ты, чего? — спрашивала, смеясь сквозь слезы, Катюша.

Григор рассказывал, как он пришел домой и испугался, что ее нет. Спросил у Кнарки: «Где Катя?» А Кнарка ответила, что мать выгнала ее из дому и Катя ушла в чем была в степь. Потом прибежал Сероб и сказал, что Катя сидит на земле и не хочет идти домой.

А Катюша слушала сбивчивые слова мужа и тихо смеялась.

— Куда я от своего дома денусь? И все это Кнарка выдумывает. Выгнала! Ну, пошумела немного... Мало ли как мать детей поругает, потом и забудет...

— Это ты верно говоришь, ах, как верно! — Обрадованный Григор благодарно сжимал ей руки. — Но, знаешь, Катя, я тоже решил... Я все скажу, как думаю... все!

Но когда они вошли в дом, там уже был хозяин, который сказал свое слово... — Чтоб я ни звука, ни полслова больше об этом не слышал! — стоя посреди комнаты, грозно кричал дядя Авет. — И хватит тебе причитать — я еще не умер! — цыкнул он на жену.

Потом старик повел вокруг темными глазами, задержался взглядом на Катюше и продолжал медленно, как приказ:

— Долго я баловству этому потворствовал. Теперь скажу: мне бездельников в доме не надо! Где этот мальчишка? — Он будто не видел Сероба, который стоял тут же в комнате. — Завтра утром пусть пораньше встанет, со мной на работу пойдет. Я кончил!

Но он еще не кончил, потому что повернулся к жене и сказал уже не гневно, а по-стариковски ворчливо:

— Позор мужчинам этого дома, как они своих жен распустили! Будет сегодня чай или нет?

Тетя Забел встала с места. Горе горем, а законное требование главы семьи надо было уважить. За старухой хотел выскользнуть и Сероб, но дед его окликнул: — Хватит за бабушкину юбку держаться! Сядь за стол, как мужчина с мужчинами.

А Катюша тихонько присела во дворе на приступочке. Отсюда была видна ровная улица из сереньких, обмазанных глиной домов. «К весне в палисаднике цветов насажу, стены выбелю — всем понравится, в пример возьмут», — думала она. О серьезном думать не хотелось.

Из дома вышла Кнарик. Ей было стыдно, что она не вступилась за Катюшу и позволила невестке уйти. Кнарик не знала, как начать разговор. Катюша спросила первая:

— Что там наши делают?

Кнарик оживилась.

— Вино пьют. Дядя Авет сам Серобу налил. «Ты, говорит, теперь моя правая рука, опора моя...» — Кнарник вздохнула и на секунду примолкла. — Катя, — вдруг жалобно сказала она, — а платье ты мне сошьешь?

— Платье я тебе сошью, раз обещала. А родным человеком тебя считать не буду, пока ты свой характер не переменишь...

Катюша вернулась в дом и заглянула в большую комнату. Мужчины все еще сидели за столом. Дядя Авет рассказывал что-то забавное. Грикор, слушая отца, громко смеялся, разводил руками, качал головой.

Сероб растерянно улыбался — немного жалкий, словно общипанный...

— Иди, невестка, садись чай пить, — крикнул дядя Авет.

— Я сию минутку, — сказала Катюша.

Она забежала в свою комнату и тотчас вышла оттуда, сжимая в руке пачечку денег. Тетя Забел по-прежнему сидела на тахте, поджав ноги и ни на кого не глядя. Катюша положила деньги перед свекровью.

— Нам сегодня зарплату выдавали, — сказала она, — у вас они целее будут.

Старуха не шевельнулась.

Грикор смотрел на жену и тихонько ей подмигивал, улыбаясь всем лицом.

Сероб покосился на Катюшу и потупился.

Катюша налила себе чаю в большую красную чашку.

— Передай-ка мне сахарку, Сереженька, — попросила она и с хрустом откусила кусочек.

Дядя Авет продолжал свой бесконечный рассказ:

— И вот я ему говорю: «Я дыню в бутылке вырастил, а ты простой огурец на грядке не сумел»...

Грикор восхищенно хохотал.

Катюша посмотрела на свекровь. Лицо старухи по-прежнему было суровым, но денег на тахте перед ней уже не было.

Тогда и Катюша рассмеялась весело и громко.